

«НАРОДНЫЕ РАЗБОЙНИКИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА: ИМЯ И СУДЬБА

Шипицина Я. А.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5524-2128>

Аннотация. В статье рассматривается значение имени в репрезентации Д. Н. Маминим-Сибиряком маргинального мира, заводского разбойничества. Выбор данных персонажей обусловлен особой заинтересованностью самого автора в такой составляющей социально-исторической характеристике Урала, что и определило выбор произведений. Проблемой исследования стала семантика имени и прозвища, их пересечение и рассмотрение вариативности контекста при сочетании. Анализируя соотношенность характеров героев со значениями их имен, следует учитывать социокультурный подход Мамин-Сибиряка в создании образов, при конструировании которых писатель отталкивается от внешних условий, исторической и территориальной принадлежности. Народное прочтение имени и прозвища для автора обладает наибольшей выразительностью, и антропоним выступает как средство репрезентации связи имени и культуры. Установлено, что образы разбойников раскрываются Д. Н. Маминим-Сибиряком через обращение к христианскому значению имени в сопоставлении жизнедеятельности анализируемого персонажа с житием тезоименитого святого. Этимологическое значение имени соотносится с прозвищем; в исследовании учитываются морфологическая форма слова и прием создания образности имени на основе звукового впечатления. Исходя из такого разностороннего анализа имени или прозвища персонажа, выявляется его влияние на смыслообразующий компонент антропонимов и их роль в формировании концептуального плана текста. В результате исследования выявляется система приемов писателя, способствующих созданию «разбойничьего» мира произведений (очерков и рассказов), создается собирательный образ маминского народного разбойника, который противостоит стереотипному представлению читателя о персонаже. Существенную функцию при этом выполняет антропонимическое единство имени и прозвища в тексте.

Ключевые слова: народные разбойники; антропонимы; художественные тексты; прозвища; антропонимическая система; антропонимическое единство; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

POPULAR OUTLAWS IN THE WORKS OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK: THEIR NAMES AND FATES

Yana A. Shipitsina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5524-2128>

Abstract. The article deals with the role of personal names in the representation of the marginal world, and specifically factory outlaws, by D. N. Mamin-Sibiryak. The choice of the characters is caused by the author's special interest in this socio-historical reality of the Urals, and it determined the choice of the texts for analysis. The scope of research covers the semantics of the name and the nickname, their interaction and the variability of their contextual combination. Analyzing the correlation between the personalities of the characters and the meanings of their names, it is necessary to take into account the socio-cultural approach of Mamin-Sibiryak to the creation of his characters proceeding from external conditions and historical and territorial belonging. Popular interpretation of the name and the nickname is most important for the author, and the anthroponym acts as a means of representation of the connection between the name and the culture. It has been found that the characters of outlaws are depicted by Mamin-Sibiryak through appealing to the Christian meaning of the name and the compar-

ison of the life of the character under analysis with the life of their namesake saint. The etymological meaning of the name is correlated with the nickname; the study takes into account the morphological form of the word and the technique of creating the imagery of the name based on acoustic impression. Proceeding from such a comprehensive analysis of the name or the nickname of the character, one can identify the semantic component of the anthroponyms and their role in the formation of the conceptual layout of the text. As a result of the study, the author reveals a system of authored techniques, used to portray the world of the outlaws in his works (sketches and short stories) and creates a generalized character of a popular outlaw, who contradicts the reader's stereotypical representation of such a character. An essential function in this case belongs to the anthroponymic unity of the name and the nickname in the text.

Key words: popular outlaws; anthroponyms; literary texts; nicknames; anthroponymic system; anthroponymic unity; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

Для цитирования: Шипицина, Я. А. «Народные разбойники» в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: имя и судьба / Я. А. Шипицина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 218–230. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-18.

For citation: Shipitsina, Ya. A. (2021). Popular Outlaws in the Works of D. N. Mamin-Sibiryak: Their Names and Fates. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 218–230. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-18.

Важным аспектом понимания писательского замысла является изучение литературной ономастики, частным проявлением которой являются антропонимы. Степень многоаспектного обращения к функции имени персонажей в тексте различна и зависит от времени и литературного таланта автора, что многократно отмечается в связи с исследованиями творчества русских классиков. Наиболее часто выявляется участие антропонимов и в раскрытии основных тем и мотивов текста, передаче подтекстовой информации, а также функции имен персонажей в формировании художественного времени и пространства¹. Обращение в изучении творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка к этому исследовательскому вектору предопределено особым вниманием писателя к ономастике [Девятайкина 2004; Шипицина 2018]. Для писателя, прошедшего школу православной семинарии, хорошо знакомого с христианской словесной культурой, чуткого к народному языку и много работавшего над стилем, органично внимание к разным аспектам имени персонажей [Соболева 2015: 60–61]. Среди факторов, влияющих на выбор имени писателем, – социальный статус персонажа, телеология судь-

бы и связанная с этим христианская и народно-поэтическая семантика имени, антропонимическое единство имени и прозвища.

В фокусе данной работы – маргинальные герои произведений писателя и раскрытие их сути через систему антропонимов, презентующих персонажей в ряде рассказов и романов Мамина-Сибиряка².

Существенным качеством литературного процесса в пореформенный период становится воплощение мироощущения героя, ставшего свидетелем конфликта культур, что приводит, в свою очередь, к кризису личности, «отсутствию социальной идентификации, что сопровождается разочарованием, расхождением личностных стремлений» [Сергеев [http](#)]. Хотя определение «маргинал»³ и исследовательская категория «маргинальность» вошли в проблемное поле науки лишь в конце XX – начале XXI вв. [Воробьева 2014], в художественном творчестве это была тема, наиболее ярко показывающая драмы времени.

Д. Н. Мамин-Сибиряк неоднократно обозначает свою заинтересованность в такой «грани социально-исторической действительности Урала, как разбойники» [Митрофанова 2007]. Автор создает особый тип «народного разбой-

¹ См. многообразие подходов к изучению литературной антропонимии в сборнике 2015 г. [Имя в литературном произведении... 2015].

² Типы маргинальных героев у писателя многообразны: от босяка, нищего и бродяги (людей «дна») до народного разбойника [Гайнцева 1960: 46–47].

³ В общеупотребительном значении маргинал – «это человек, который по каким-либо причинам выпал из привычной для него среды, но не примкнул к новому слою общества» [Майоренко [http](#)].

ника», который в наименьшей степени характеризуется внешними представлениями, а большее значение придается внутренним конфликтам, вызванным противопоставлением природной свободы человека и принуждением подчиниться государственно-социальной системе; Мамин-Сибиряк, скорее, выступает как исследователь. Особый подход в обрисовке типа народного разбойника у писателя отмечает и И. А. Дергачев, заостряя внимание на том, что, рассказывая об этих персонажах, писатель обращает внимание на народную оценку самого существования «разбойных людей», которые пользовались «всеми симпатиями массы». Рассказы о них входили в поэтический репертуар жителей заводских поселков [Дергачев 1985: 387]. На выражение в подобных образах народно-поэтических представлений и этико-эстетической системы народных ценностей указывает О. В. Зырянов [Зырянов 2013: 35].

Впервые «Разбойники» были напечатаны в газете «Русские ведомости» (1895, февраль-апрель). Цикл включал в себя пять очерков: I. «Аверко», II. «Савка», III. «Последние клейма», IV. «Разбойник и преступник», V. «Неизвестный человек»¹. В переписке с издателем Д. П. Ефремовым Мамин-Сибиряк отмечает, что этот цикл рассказов ему особенно дорог. Для него разбойник – «живой человек, вполне реальная величина, органически связанная со всем укладом создававшей его жизни» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 383]. Отношение автора А. Груздев объяснял видением писателем в заводских разбойниках силы, направленной против заводчиков, а в разбойничестве – одну из форм протеста [там же: 448–449]. К особенностям реализма этого времени относится «желание выйти за границы привычных категорий и особенно стремление подчеркнуть незавершенность произведения, неокончателность художественной мысли». Это порождало разноречивость в определении жанра и «ограниченное пространство жизни», что было также обусловлено изменившейся читательской психологией [Дергачев 2005: 32–34]. Конфликтность в содержании образов ярко воплощалась в семантике выбранных имен, сложном соотношении имени и прозвища героя.

Очерк «Аверко» начинается с воспоминаний автора о детстве, проведенном в глуши Уральских гор, где разбойник был «неистощимой темой для рассказов, сказок и легенд» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 364]. Главным персонажем, центром всего повествования является герой с выразительным именем **Аверко**. Автор обращает внимание на противоречие понятия «разбойник» в обывательском смысле и образа, который создается через детское восприятие рассказчика. Обычно называя кого-либо разбойником, в первую очередь, подразумевают его деятельность, выходящую за рамки мирного существования в обществе – грабеж, запугивание, убийство. Внешне «условный разбойник» – это жестокий оборванец, поджидающий случайных прохожих где-нибудь в темном месте. Такое описание, несомненно, вызывает отрицательное впечатление, у Мамина-Сибиряка разбойник – это «самое яркое воспоминание детства», «самый яркий герой» [там же: 363]. Он воплощает в себе не столько индивидуальный характер, сколько «нечто необходимо-роковое, как своего рода судьба и кара, как выражение чего-то такого, что сплеча ломило и разносило вдребезги все установившиеся нормы» [там же]. Писатель обращается к приему антиномии, соединяя детское незамутненное восприятие человека и официальную оценку человека или отношение к нему социума без учета индивидуально-личностной характеристики. В тексте очерка это приводит к антитезе читательского стереотипа и художественного образа.

Герой появляется как «какой-то мужик с метлой, который волочил зловеще звонившую цепь» [там же: 366], далее автор тепло и с элементом иронии описывает героя – кузнеца Аверкия: «самый обыкновенный мужик», «с добродушным бородатым лицом и веселыми серыми глазами», который «говорил с какой-то мягкой ласковостью» [там же: 367]; и такая «мужицкая обыкновенность совсем не вязалась с лязганьем кандалов» [там же]. Его схватили как фальшивомонетчика, заковали в кандалы и «посадили в пустую школу, где он должен был стеречь себя уже сам. ...Аверкию наскучило сидеть в ней без дела, он

¹ Пятый очерк в дальнейшем был исключен при подготовке отдельного издания сборника «Преступники», по всей вероятности, главный персонаж этого очерка не соответствовал типу разбойника, созданному в первых четырех очерках.

вышел в сад и сейчас же нашел себе работу» [там же].

Имя Аверкий, по одной из версий, происходит от латинского слова «averto» – «обращать в бегство» [Петровский 1966: 35–36]; по другой – в основе лежит латинский глагол со значением «удерживать, отвращать» [Суперанская 2005: 22].

Отметим высокую степень реализации значения имени в образно-сюжетной основе очерка. С одной стороны, Аверкий, скорее, «удерживает» проявления характера и жестокости разбойника, что выражается в описании его невозмутимости и сдержанности. После побега героя из острога актуализируется значение «обращать в бегство»; здесь можно наблюдать двойную направленность действия: на себя – он бежит, и этот поступок автор характеризует как «русскую историческую панацею – спастись от всякой беды бегством» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 369], и на окружающих – о нем пошла «слава» как о настоящем «отпетом» разбойнике.

Следуя за сюжетными перипетиями, имя персонажа оборачивается прозвищем и остается с ним до конца жизни. До острога в ходе повествования он называется по имени: «– А как тебя зовут? – Аверкием звали...» [там же: 366], «Дернуло тебя, Аверкий! Хоть бы по-настоящему какому уголовству попал...» [там же: 367], «я постоянно думал об Аверкии» [там же: 368]. Однако после первого же преступления имя «уходит», превращаясь в прозвище: «это было настоящее вступление на разбойничий путь... через полгода дошли слухи, что Аверко (уже не Аверкий) показался в окрестностях нашего завода» [там же: 369]. Аверко – такой вариант имени-прозвища, указанный в тексте самим автором, более соответствует разбойничьему кругу и новому образу жизни героя, и тем самым подчеркивает перемены, произошедшие в его личности, переход из обычной жизни крестьянина-кузнеца, деятельность которого была направлена на созидание, в противоположную, где «смелость Аверки переходила границы, дозволенные „прямым разбойникам“» [там же: 370].

Многозначна форма имени Аверко. Наличие уменьшительного суффикса в слове име-

ет эмоционально-оценочную коннотацию, может служить для обозначения социального статуса или социально-психологических качеств носителя [Медведева 2013]. Форма, оканчивающаяся на -о, образует разряд слов, относящихся к лицам и прозвищам животных [Виноградов 2001: 59]. Ярким примером тому является широко представленная в творчестве Мамина-Сибиряка группа зоонимов – Соболюк, Лыско, Музгарко, Постойко. Усеченная форма слова характерна для звательного падежа имен собственных, имевшего место в истории языка. Это те формы, которые уже специализированы на обращении, в большинстве своем клички животных, для которых форма обращения наиболее характерна [Даниэль 2009: 228].

В таком «превращении» имени передается и сопереживающее настроение жителей завода, знавших кузнеца Аверкия, и умаление достоинства в результате нравственного падения человека, даже его безликость; тем самым акцентируется «переход» кузнеца Аверкия в более низкий разряд «падших» людей.

Соотнесение имени персонажа и его деятельности с именем и деятельностью тезоименитого святого позволяет здесь выявить лишь минимальную степень таковой, скорее парадоксальность ее. Близость Аверко к равноапостольному Аверкию состоит в противостоянии аллюзии на деяния святого и судьбы разбойника. Святой Аверкий «взяв попавшийся кол, отправился к храму Аполлона, где всех идолов сокрушил и разбил на мелкие части» [Жития святых... 2011, т. 2], персонаж Мамина-Сибиряка погибает от ударов шпицрутенами. Изначальная чистота героя не выдерживает испытания, изменив себе, герой пропадает, утрачивая при этом данное при крещении имя.

Таким же, наделенным уменьшительной формой имени персонажем, является **Окулко** – основной представитель разбойничества в романе «Три конца» (1890)¹. Этот роман, по характеристике И. А. Дергачева, передавал «драму борьбы за существование» в уральском заводском поселке после реформы 1861 г. и затрагивал все стороны национальной жизни [Мамин-Сибиряк 1982: 406]. Особо исследова-

¹ Впервые роман был напечатан в журнале «Русская мысль» (1890, кн. 5–9) с подзаголовком «Уральская летопись».

тель и издатель указывал на «погруженность» Мамина-Сибиряка в суть народных интересов, его внимание к формам народного протеста, выразителем которого становится «заводской разбойник» [там же: 409].

Окулко – «знаменитый разбойник, державший в страхе все заводы» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 45]. Автор показывает персонажа либо в окружении еще двух товарищей – Беспалого и хохла Челыша, – либо самостоятельно в кругу семьи. Первое его появление в романе вызывает панику среди населения. Жители, узнав в нем знаменитого разбойника среди посетителей кабака, в ужасе пятились к дверям. В такой обстановке герой, казалось бы, должен был быть и внешне отталкивающим (лицо, обезображенное шрамами, наличие каких-либо физических недостатков, грубая речь, резкие движения и т. п.). В действительности же автор с симпатией отзывается о персонаже и наделяет его «светло-русой окладистой бородкой, серыми большими глазами и шапкой кудрявых волос на голове» [там же: 46].

История Окулка – один из примеров жизни тех, в ком сильно и даже судьбоносно прочувствовалось внутреннее противопоставление личностной свободы и принуждения. Окулко работал на фабрике кричным мастером, «был видным парнем и содержал всю семью» [там же: 78]; «за какую-то провинность был послан на исправление на медную гору» [там же]. Там он не позволил бить себя плетью и чуть не зарезал управителя, после чего «бежал в горы, где и присоединился к другим крепостным разбойникам» [там же: 79].

Сложность персонажа выражается в неоднозначном отношении к нему народа. Люди его боятся, отмечается настороженность в описании тех немногих моментов, когда герой присутствует в повествовании, и это скорее отражение внешней составляющей образа, определяемой ролью вынужденного разбойника. Внутреннее состояние Окулка, суть его переживаний переданы в словах Нюрочки: «Вот всем весело, все смеются, а он, как зверь, бежит в лес...Мне его жаль...» [там же: 59]. Эти же слова произносит сам герой: «Всем радость, а мы, как волки, по лесу

бродим» [там же: 47]. Персонаж прекращает свою беглую жизнь, возвращается домой после двадцатилетнего скитания, долгого «хождения из острога в острог», и в итоге поступает на службу сотским. При этом имя героя на протяжении повествования о нем в романе никак не изменяется, что определяется желанием автора очертить человечность персонажа – он помогает семье, будучи в бегах; в селе он не совершает никаких насильственных / разбойных действий; после возвращения домой, встречается с управителем, из-за которого он стал разбойником, но не проявляет чувства ненависти, презрения к нему: «Пойдем ко мне в волость ночевать, Никон Авдеич... Прежде-то мы с тобой ссоривались, а теперь, пожалуй, и делить нам нечего» [там же: 346].

Имя Окулко в той форме, как оно употреблено в романе, представляет собой «окающий» вариант имени Акил. Оно, в свою очередь, имеет латинское происхождение и означает «орел» [Суперанская 2005: 27; Петровский 1966: 43]. Такой вариант этимологического значения имени реализован как в действиях персонажа (разбойник), так и во внутреннем мире (человеческое достоинство, беззлобность, желание свободы и т. п.)¹.

А. Баженова, рассматривая исторические родокоренные имена, отмечает, что имя Окул и ему подобные (Окула, Окулко) происходят от «око», «глазастый» [Баженова 2006: 323]. Способность «быть глазастым», все замечать характерна для разбойничьей деятельности персонажа. Также допустима трактовка исследуемого имени через характеристику образа жизни героя. Так, в этимологическом словаре М. Фасмера отмечается значение слова «окула» – «обманщик, мошенник» [Фасмер 1987, т. 3: 131].

Анализируя христианское значение имени, обратимся к варианту «Акила», поскольку заданная автором форма имени не встречается в святцах. Сопоставляя имя и деятельность персонажа с жизнедеятельностью тезоименитого святого, можно выявить некоторое соответствие в жизнеописании святого апостола Акилы. Первое, что объединяет разбойника Окулко и апостола – это физический труд: один был кричным мастером, другой – ски-

¹ Эпитеты и ассоциации к слову «орел» – охотник, свобода, вольный, гордость и т. п. см.: <https://epithets.academic.ru>.

нотворец, или деятель палаток» [Жития святых... 2011, т. 11: 351]. Общим является необходимость покинуть место жительства (мотив гонения властью и одиночества): «...когда же кесарь Клавдий повелел Евреям выслаться из Рима, Акила с супругой ушел в Коринф» [там же: 350]. Совпадает мотив тяги и возвращения в родные места.

Возвращаясь к теме вынужденной внутренней неопределенности, нежеланию принять сложившиеся обстоятельства и подчиниться им, обратим внимание на ее разностороннее воплощение: 1) несочетаемость звуковой / фонетической стороны имени персонажа и его деятельности в романе. Разбойник должен иметь имя / прозвище, характеризующее именно его негативные качества, быть устрашающим. И, конечно же, оно не должно принадлежать к ряду имен исторических героев и даже богатырей, среди которых выделяет его исследователь А. Баженова [Баженова 2006: 566]; 2) заданная автором форма имени не встречается как самостоятельная единица ни в христианских святцах, ни в современных словарях имен, что позволяет говорить о том, что это народный вариант имени. Этим автор показывает близость персонажа к народу, склонность к жизни среди людей, а не к скитаниям; 3) внешность персонажа; 4) поведение персонажа, а именно: будучи разбойником, он не совершает действий, осуждаемых народом; 5) следование фактам жизнеописания тезоименитых святых говорит о том, что автор не осуждает персонажа, не делает его разительно выделяющимся из общества; персонаж повторяет жизненный путь святых для того, чтобы пройти путь мучений (внутренние переживания / мятеж) и вернуться к спокойной жизни.

Представителем разбойничества в романе «Три конца», наделенным прозвищем, является **Беспалый**. Впервые он упоминается в компании Окулка и деятельность его прямо оговаривается одним из жителей: «Другий-то тоже разбойник. Беспалого слышал?» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 45]. Хотя этот персонаж очень редко появляется в повествовании, автор дает подробное внешнее описание. Это был чело-

век «с сердитым лицом», «черными, как угли глазами», «подстриженные в скобку волосы и раскольничьего покроя кафтан говорили о его происхождении – это был закоснелый кержак» [там же]. Внешне он производил неприятное впечатление, что также отмечается автором. Имя персонажа не упоминается, а прозвище, по замечанию автора, он получил из-за того, что отрубил себе палец на правой руке, «чтобы не идти под красную шапку» (в солдаты – Я. Ш.) [там же: 46].

Обратимся к толкованию прозвища. А. В. Суперанская отмечает, что такое имя-прозвище относится к антропонимам, отражающим биологическую характеристику человека [Суперанская 1991: 39]; такое же толкование – как прозвище человека, лишённого пальцев – находим и в словаре русских прозвищ [Вальтер, Мокиенко 2007]. А. Баженова находит это прозвище среди исторических дохристианских имен воевод и военачальников, а также среди исконно славянских имен и прозваний казаков [Баженова 2006: 575, 578].

Третий товарищ в компании заводских разбойников – **Челыш**. Описывая персонажа, Д. Н. Мамин-Сибиряк сначала указывает на его происхождение, употребляя слово «хохол» перед именем-прозвищем, и затем говорит о внешности. Герой предстает перед читателем как «громадный мужик с маленькою головкой, длинными руками и сутулою спиной, как у всех силачей» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 46].

Данное имя-прозвище имеет несколько вариантов трактовки. И. М. Ганжина говорит об образовании прозвища от слова «челыш», которым в старину обозначали тот или иной вид грибов. Соответственно, именем Челыш могли наделить опытного грибника. Кроме того, подобное прозвище могло принадлежать малорослому пареньку [Ганжина 2001]. С точки зрения морфологии имя содержит уменьшительный суффикс -ыш, который, по замечанию В. В. Виноградова, имеет экспрессивную окраску пренебрежения или презрения [Виноградов 2001: 89]. С фонетической стороны имя ассоциируется с кличкой собаки Черныш, что также дает возможность предположить о нравственном падении персонажа как человека, его обезличивании¹.

¹ Такой вариант имени встречается в словаре личных имен собственных Н. М. Тупикова [Тупиков 1903: 426–427].

Интересным для исследования представляется авторское наделение двух персонажей разных произведений одним и тем же именем – **Савка**. Внешне это разные герои, объединенные общим занятием разбойничества. Оба персонажа с наступлением воли перешли в разряд «особенных» людей и продолжили жизнь на заводе как мирные обыватели.

О внешности одного из них – героя очерка с одноименным названием из цикла «Разбойники» – лишь упоминается: он «ничем не отличался от других мужиков», «лет сорок», «лицо самое обыкновенное, с самой обыкновенной русой бородкой» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 375], но выразительна его характеристика как заводского разбойника – «пользовался всеми симпатиями массы и превращался в героя» [там же: 370], «в качестве отпетого человека Савка пользовался известной популярностью даже у заводского начальства» [там же: 371], «настоящий разбойник, которого все боялись» [там же: 375].

Второй – главный герой рассказа «На Шихане» (1884) – изображен как «небольшого роста, худенький, сутуловатый... жалкий мужичок в широком армяке» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 368], упоминаются его дом, семья, происхождение, в котором стоит обратить внимание на очевидное противоречие. Если внешность соответствует такому представлению героя, как Савка Крохаленок, то его внутренний мир, духовная сила не укладывается в рамки такого изображения: «он не боялся решительно никого и ничего на свете и гордо отстаивал свое „я“ от всяких поползновений на его неприкосновенность» [там же: 378].

Имя Савва имеет несколько трактовок. Согласно основной версии, оно восходит к арамейскому имени «Сава», «Саба» и обозначает «старец», «мудрец» [Петровский 1966: 192]. Встречается мнение о древнееврейском происхождении имени и такой трактовки как «стрелец». Согласно другим данным, оно имеет арабские корни и означает «неволя» [Происхождение и значение имени].

Все эти значения отражены в линии жизни анализируемых персонажей. Значение имени – «неволя» – прямо реализовано в биографиях обоих героев; значение «стрелец» – характерно для второго персонажа, мир животных ему близок, и он охотник по роду деятельности

(«его пылкий ум прилепился к безграничному лесному простору, и здесь, в мире животных, он находил погибшую в людях правду» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 385]; значение «старец» передано в первом герое, но в переносном значении, как самый отъявленный, коренной, своего рода старейшина среди подобных («самым ярким выразителем разбойничьего типа явился знаменитый Савка», «к нему относились совершенно иначе... среди всяких правонарушителей есть своя аристократия» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 371]; значение «мудрец» реализовано во втором, автор парадоксально описывает его особенность: «Савка говорил не как люди, а совсем по-своему, как говорят все талантливые выродки и отщепенцы» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 378].

Имя Савва отмечается и как краткая форма имени Савелий, которое упоминается автором в сочетании с отчеством Тарасович.

По одной из версий в переводе с древнееврейского имя Савелий означает «тяжкий, непосильный труд» [Баженова 2006: 549]. По второй версии, образованное от латинского «Sabellus», означает в переносном значении «простой, непритворный» [Значение имени http]. Оба значения переданы в судьбах персонажей – они вынужденно становятся на путь разбойничества, который предполагает еще больший труд и сложность бытия, внутренний мятеж и неприятие созданных и навязанных условий. Оба Савелия / Саввы из простых рабочих семей, занимались до определенного времени трудом на заводе, а после воли довольствуются малым, реализуя значение «простой, непритворный».

Уменьшительная форма имени говорит о сочувственном отношении автора к своим персонажам. Значение имени «старец» в первом персонаже подчеркивается тем, что народ к нему уважительно обращается по имени и отчеству: «Бог тебя простит, Савелий Тарасыч!», «Ничего, уйдет... Вот уж Савелий Тарасыч скажет им свое словечко» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 376]. Неуловимость, долгое нежелание сдаться передано и через отчество персонажа – Тарасыч. Тарас – имя греческого происхождения и означает «волновать», «возбуждать» [Суперанская 2005: 208], «приводить в смятение», «тревожить» [Петровский 1966: 206].

В христианском предании тезоименный святой Савва Стратилат. Он подвергся жестоким избиениям, испытанию огнем, «был заключен в темницу», брошен в котел с кипящей смолой «но... остался цел и вышел из котла невредимым» [Жития святых... 2011, т. 8]. Подобно ему анализируемые персонажи проходят через испытания разбойничьей жизнью. Не случайно фонетическое сходство с именем апостола Павла в его языческом прошлом – Савл. В житии Павла упоминается «перелом», в результате которого «из гонителя христиан он сделался их покровителем» [Павел Апостол 1912]. Это же наблюдаем в жизни обоих персонажей: «Савка в числе других принес повинную, где-то отсидел назначенный срок и жил в заводе, как мирный обыватель» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 377], «а когда настала воля – он перешел в разряд „особенных“ людей... и занятие себе Савка (Крохаленок) выбрал „особенное“, ни от кого не зависящее – охоту» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 380].

Автор в ходе повествования употребляет такие формы как: собственно по имени – Савка; в сочетании с прозвищем – Савка Крохаленок; или только прозвище – Крохаленок. Данное прозвище указывает на ироническое отношение автора и усиливает противоречивость в восприятии образа читателем.

Противоречивость заложена уже в происхождении прозвища. Рассказывая об отце героя («настоящий богатырь по прозванию Крохаль» [там же: 377], Мамин-Сибиряк намеренно выделяет появление у него сына – «лядащего мужичонки Крохаленка» – «по необъяснимой игре природы» [там же: 378]. Форма слова содержит уменьшительный суффикс -енок, и, исходя из его обозначения детенышей в животном мире, отмечаем прямую его реализацию в значении прозвища (Крохаль-Крохаленок). Отражается и функция уменьшительной формы, как народного варианта именования с целью ослабить страх людей перед разбойником, который «наводил грозу на целые селения» [там же: 379].

В сравнении с другими разбойниками в обоих персонажах на фоне разбойничьей деятельности выделяются качества, несовместимые с ней. Савка (Крохаленок) отличается лю-

бовью к животным, не приемлет жестокость, а его робкое общение с женой и попытки показать, кто в доме хозяин, заканчивающиеся тем, что герой «защищает себя руками и ногами, как перевернутый на спину таракан» [там же: 376], передают ироничное и в то же время сочувственное отношение автора. Второй персонаж также, несмотря на свою «исключительность», оказывается в ситуации, когда его выдают властям те, у кого он обычно находил поддержку, из «арифметического расчета: лучше уж одному Савке пострадать, чем всем мучиться за него» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 374]. Некое умаление образа знаменитого разбойника передано в выражении: «Савка, Савка – нашли какого Александра Македонского» [там же: 375]. Оценка личностных качеств персонажа как простака, неудачника, восходит к обыгрыванию имени в народных поговорках: «Был Сава, была и слава», «Заделали славу – поколотили Саву», «Каков Сава, такова ему и слава» [Адрианова-Перетц 1935: 275].

Неоднозначный персонаж, вызывающий двойственное отношение автора и имеющий различные ролевые функции, – конский пастух **Никешка-Морок**, представленный в одноименном очерке «Морок» (1895) и в романе «Три конца» (1890). В очерке он главный герой, в романе его образ появляется фрагментарно. В обоих произведениях Мамин-Сибиряк выстраивает линию персонажа так, что его социальная функция разбойника неразрывно связана с его поведением как Христа ради юродивого. Важным свойством святости подобных героев является вызывающее поведение и бесстрашное обличение власти¹.

В ходе повествования встречаются именованная героя по крестильному имени, прозвищу по-отдельности или же в форме антропонимического единства. Все варианты имеют значение в раскрытии художественного образа Никифора – «на заводе Никешка был известен под именем Морока, и это прозвище он носил не без достоинства» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 85], «единственный заводской вор Морок» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 57], «заворуй Морок» [там же: 406].

Очерк начинается с описания характерного речевого поведения Никешки, свойственного

¹ см. Блаженные похабы: Культурная история юродства [Иванов 2005].

юродивым. Он высовывается из окна, ругает каждого мимо проходящего, особенно выделяет своих соседей – старика Мирона и дозорного Еграфа Ковшова. Все, что происходило в их семьях, внутри дворов, становилось известно всем. Никешка преподносил это довольно резко – осуждающе высмеивал: «сосед, айда ко мне в помощники: я ничего не делаю, а ты помогать мне будешь!», «беднота кланяется Еграфу Палычу, потому как он сам перед начальством хвостом лют вилять» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 84].

Автор не дает подробного описания внешности персонажа, но некоторые детали создают образ разбойника, не отличающийся от выше представленных: «широкое, бородастое лицо с заплывшими глазками», «темная макушка с поредевшими темными волосами» [там же: 86], «лохматая голова», «седой волос занялся в бороде» [там же: 83], «он выше всех ростом и с уверенностью шагает по самой середине улицы» [там же: 87]. Уверенность персонажа дополняется бесстрашием, даже дерзостью (мотив демонстративного неблагочестия) – «слыш за отчаянную башку и не боялся никого» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 57].

Автор наделяет героя ростом и остролыбием, что должно было пробудить симпатии читателей к вору, у которого, по определению писателя, была своя «оригинальная роль» в заводской жизни [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 89]. В романе положительная характеристика героя расширяется. Несмотря на грубость персонажа в общении с населением, он единственный из разбойников, в котором проявляется «глубокое чувство любви» [там же: 398]. А его переживания по случаю смерти любимой кобылы характеризуют его как чувствующего человека, прибегающего к самоубийству: «слезы так и лились по его лицу», «в порыве охватившей его нежности при всем честном народе поклонился мертвой кобыле в ноги» [там же: 406].

Имя Никифор имеет греческое происхождение и означает «победитель», «победоносец» [Суперанская 2005: 164], что проявляется в характере персонажа. Он одерживает своеобразную победу, будучи выше обстоятельств

и сохраняя верность своему образу жизни. Невозмутимость, с которой он встречает пришедших в его избу с обыском мужиков («даже не поднялся с лавки» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 85]), и явная над ними насмешка («обыскивай, а то я и сам ничего не найду» [там же: 86]) говорят о сознании своего превосходства как «особого человека» даже в критическом положении.

Часто используемая автором народная форма имени передает очевидную близость к нему заводских жителей. Сам герой принимает процесс своего задержания, суда и наказания как должное, для окружающих подобные события часть естественного хода бытия, где Никешка – обязательный элемент заводской жизни.

Никифору, как человеку рабочему, физический труд не чужд, он – «могучий человек», способный к «настоящей мужицкой работе» [там же: 93], именно в таком контексте единственный раз во всем тексте очерка имя употреблено в полной форме: «Зачем свой-то покос людям сдаешь, Никифор? Вот бы и робил на себя...» [там же: 93]. В крепостное время он один не стал работать на фабрике, чем бы ему ни грозили – не дал себя поставить в рамки, уравнивающие и ограничивающие всех. Получив волю, сам пришел на фабрику и отработал на ней пять лет, появились хозяйство, дом, жена. Однако после появления паровой машины «со свистком», ставшей для персонажа своего рода символом ограничения воли, он снова отказывается от работы («паровой свисток нагонял на него какую-то тоску и озлобление» [там же: 90], как вызывают неприязнь и люди, шедшие на завод, «как повинность отбывавшие».

Единственное занятие, которое он выполнял «блистательно» – это выгул лошадей, образы которых сопровождают его на протяжении всего повествования, также будучи символом природной мощи и свободы, быстроты¹.

Возвращаясь к прозвищу персонажа, внесенному в название очерка, обратим внимание на толкование слова «морок» – «затмение сознания, помрачение рассудка» [Морок [http](http://)]; в диалектных говорах оно означает «шалун, баламут, повеса» [Мамин-Сибиряк

¹ Ср.: «Конь символизирует динамичную силу, проворство, быстроту мысли, бег времени. Это типичный символ мужества и мощной власти. Конь олицетворяет необузданные страсти, природные инстинкты, бессознательное» [Символы [http](http://)].

1958, т. 5: 399]. Эти два значения дополняют друг друга, воплощаясь в персонаже, и наиболее соответствуют его жизни юродивого. Вариант сочетания прозвища со словом «заворуй» передает отношение народа к персонажу. Выражение пренебрежения, вызванного публичным проявлением сумасшествия, развязностью, вседозволенностью Никешки подчеркивается суффиксом -уй. Будучи просторечным, он несет оттенок пренебрежения по отношению к лицу [Виноградов 2001: 86].

Неаккуратность в быту и внешности, кривая кобыла, кривая изба, пренебрежительное отношение к жизни («на авось»), пребывание в состоянии «морока» – в совокупности с народно-этимологическим и значениями крестьянского имени создают полный, противоречивый образ персонажа.

Литература

Адрианова-Перетц, В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века / В. П. Адрианова-Перетц // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы; ред. А. С. Орлов. – М.: Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1935. – Т. 2. – С. 215–282.

Баженова, А. Славянские родные имена: Словарь исторических родокоренных имен и прозваний славян и русов за два тысячелетия / А. Баженова. – М.: Издательство «Ладога-100», 2006. – 592 с.

Вальтер, Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – С. 92.

Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов; под ред. Г. А. Золотовой. – Изд. 4-е. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.

Воробьева, Е. С. Маргинал в русской литературе конца XX – начала XXI вв. / Е. С. Воробьева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5. – С. 91–98.

Гайнцева, Э. Г. Рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка о «бывших людях» и бродягах / Э. Г. Гайнцева // Доклады на V конференции по изучению творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. – Свердловск: Свердлов. книжн. изд-во, 1960. – С. 45–86.

Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – М.: Астрель; АСТ, 2001. – С. 536.

Гладков, Ф. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка / Ф. Гладков. – URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0620.shtml (дата обращения: 28.02.2019). – Текст: электронный.

Даниэль, М. А. «Новый» русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов / М. А. Даниэль // Корпусные исследования по русской грамматике / под ред. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. Рахшеина, С. Г. Татевосова. – М.: Пробел-2000, 2009. – С. 224–244.

Девятайкина, Л. Г. Топонимический код в художественном пространстве произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. Г. Девятайкина // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 82–87.

Дергачев, И. А. Комментарии / И. А. Дергачев // Мамин-Сибиряк Д. Н. Рассказы разных лет / подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985. – С. 386–396.

Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов / И. А. Дергачев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 283 с.

Значение имени Савелий. – URL: <http://www.kakzovut.ru/names/saveliy.html> (дата обращения: 21.02.2019). – Текст: электронный.

Зырянов, О. В. О природе «одухотворенного реализма» писателя / О. В. Зырянов // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. О. В. Зырянова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. – С. 31–43.

Ибрагимова, Г. Х. Антропонимические единства и их оценочные знаки в конструкциях класса «собственное имя+прозвище» / Г. Х. Ибрагимова. – Текст: электронный // Вестник ТГУПБП. – 2018. – № 4 (77). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimicheskie-edinstva-i-ih-otsenochnye-znaki-v-konstruktsiyah-klassasobstvennoe-imya-prozvische> (дата обращения: 28.08.2020).

Иванов, С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства / С. А. Иванов; Рос. Академия наук, Ин-т славяноведения. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 448 с.

Неслучайный подбор имен образов данной группы акцентирует характерную для творчества Мамина-Сибиряка идею стихийной силы в трудовом человеке, которая, по замечанию Ф. Гладкова, «рвется освободиться в моменты острых коллизий» [Гладков [http](http://)]. Приемы именословия поддерживают прием типизации, свойственный писателю, для которого «типическим оказывается необыкновенное, ибо в нем легче вскрывается, самовыявляется внутренний закон существования явления или лица» [Дергачев 2005: 31]. Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на принадлежность всех рассмотренных персонажей к одному типу – заводских разбойников, каждый антропоним (имя, прозвище или антропонимическое единство) отличается разнообразием и выявляет существенные для образа качества.

- Имя в литературном произведении: Художественная семантика / сост., ред. Л. И. Сазонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 504 с.
- Лосеева, И. В. Прозвище как вид личностного идентификатора (на материале именований русских горнозаводских сел Южного Урала) / И. В. Лосеева. – Текст : электронный // Электронный научный журнал APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 5. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prozvische-kak-vid-lichnostnogo-identifikatora-na-materiale-naimenovaniy-russkikh-gornozavodskih-sel-yuzhnogo-urala> (дата обращения: 18.04.2019).
- Майоренко, М. Кто такой маргинал? Характерные признаки и особенности / М. Майоренко. – URL: <http://fb.ru/article/117122/kto-takoy-marginal-harakternyie-priznaki-i-osobennosti> (дата обращения: 23.02.2019). – Текст : электронный.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Рассказы разных лет / подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 386–396 (комментарии).
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений : в 10 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Изд-во «Правда», 1958.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Три конца : роман / подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 416 с.
- Медведева, К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов / К. М. Медведева // Молодой ученый. – 2013. – № 7. – С. 487–490.
- Митрофанова, Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк в контексте литературной, общественной и культурной жизни Урала 1880-х гг. / Л. Митрофанова // Урал. – 2007. – № 11. – С. 179–190.
- Морок. – Текст : электронный // Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efreмова/187680/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA> (дата обращения: 24.02.2019).
- Павел Апостол // Полный православный богословский энциклопедический словарь / под ред. Е. А. Поповичко. – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1912. – Ст. 1725–1726.
- Память святого апостола Акилы // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благовонница», 2011. – Т. 11. Июль. – С. 350–353.
- Память святого мученика Саввы Стратилата и с ним семидесяти воинов // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благовонница», 2011. – Т. 8. Апрель. – С. 396–398.
- Память святого равноапостольного Аверкия, епископа Иерапольского // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благовонница», 2011. – Т. 2. Октябрь. – С. 396–398.
- Память святых мучеников Валериана, Кандида, Евгения и Акилы // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благовонница», 2011. – Т. 5. Январь. – С. 734–737.
- Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М. : Изд-во «Сов. энциклопедия», 1966. – 384 с.
- Происхождение и значение имени Савва. – URL: <http://www.imenator.ru/mujskie/imena/savva> (дата обращения: 21.02.2019). – Текст : электронный.
- Разбойник. – Текст : электронный // Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой. – URL: <http://tolkslovar.ru/r544.html> (дата обращения: 24.02.2019).
- Сергеев, Е. Маргинальность / Е. Сергеев. – Текст : электронный // Новая философская энциклопедия. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/1797.html> (дата обращения: 04.02.2019).
- Символы. Конь. – URL: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse/> (дата обращения: 24.02.2019). – Текст : электронный.
- Соболева, Л. С. Природные стихии в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Quaestio Rossica. – 2015. – № 2. – С. 52–70. – <https://doi.org/10.15826/qr.2015.2.095>.
- Страдание святого великомученика Феодора Стратилата // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под ред. В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благовонница», 2011. – Т. 6. Февраль. – С. 160–173.
- Страдание святого мученика Никифора // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под ред. В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благовонница», 2011. – Т. 6. Февраль. – С. 180–185.
- Суперанская, А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
- Суперанская, А. В. О русских именах / А. В. Суперанская, А. В. Сулова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л. : Лениздат, 1991. – 220 с.
- Тушиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тушиков. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – С. 426–427.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / М. Фасмер ; перевод. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. – Изд. 2-е, стер. – М. : Прогресс, 1987. – С. 131.
- Шипицина, Я. А. Инициатива антропонимии в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка: типы и функции / Я. А. Шипицина // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург : УРФУ, 2018. – С. 67–75.

References

- Adrianova-Peretts, V. P. (1935). Ocherki po istorii russkoi satiricheskoi literatury XVII veka [Essays on the History of Russian Satirical Literature of the XVII Century]. In Orlov, A. S. (Ed.). *Trudy otдела drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2, pp. 215–282.
- Bazhenova, A. (2006). *Slavyan rodnye imena: Slovar'istoricheskikh rodokorenykh imen i prozvaniy slavyan i rusov za dva tysyacheletiya* [The Slavs' Native Names: A Dictionary of Historical Native Names and Nicknames of the Slavs and Russians for Two Millennia]. Moscow, Izdatel'stvo «Ladoga-100». 592 p.
- Daniel', M. A. (2009). «Novyi» russkii vokativ: istoriya formy usechnnogo obrashcheniya skvoz' prizmu korpusa pis'mennykh tekstov [“New” Russian Vocative: The History of the Form of Truncated Address through the Prism of the Corpus of Written Texts]. In Kiseleva, K. L., Plungian, V. A., Rakhsheina, E., Tatevosova, S. G. (Eds.). *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Moscow, Probel-2000, pp. 224–244.
- Dergachev, I. A. (1985). Kommentarii [Comments]. In Mamin-Sibiriyak, D. N. *Rasskazy raznykh let*. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 386–396.
- Dergachev, I. A. (2005). *D. N. Mamin-Sibiriyak v russkom literaturnom processe 1870–1890-kh godov* [D. N. Mamin-Sibiriyak in the Russian Literary Process of the 1870–1890s]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 283 p.
- Devyataikina, L. G. (2004). Toponimicheskii kod v khudozhestvennom prostranstve proizvedenii D. N. Mamina-Sibiriyaka [Toponymic Code in the Artistic Space of the Works of D. N. Mamin-Sibiriyak]. In *Filologiya i chelovek*. No. 4, pp. 82–87.
- Easmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [An Etymological Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 3 (Muza – Syat). 2nd ed. Moscow, Progress, p. 131.
- Gaintseva, E. G. (1960). Rasskazy D. N. Mamina-Sibiriyaka o «byvshikh lyudyakh» i brodyagakh [Stories of D. N. Mamin-Sibiriyak about “Former People” and Tramps]. In *Doklady na V konferentsii po izucheniyu tvorchestva D. N. Mamina-Sibiriyaka*. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 45–86.
- Ganzhina, I. M. (2001). *Slovar' sovremennykh russkikh familiy* [A Dictionary of Modern Russian Surnames]. Moscow, Astrel', AST. 536 p.
- Gladkov, F. *Tvorchestvo D. N. Mamina-Sibiriyaka* [Mamin-Sibiriyak's Creative Activity]. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibiryak_d/text_0620.shtml (mode of access: 28.02.2019).
- Ibragimova, G. Kh. (2018). Antroponimicheskie edinstva i ikh otsenochnye znaki v konstrukciyakh klassa «sobstvennoe imya+prozvishhe» [Anthroponymic Unities and Their Axiological Signs in Constructions of the Type “Proper Name+Nickname”]. In *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnye nauki*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimicheskie-edinstva-i-ih-otsenochnye-znaki-v-konstruktsiyakh-klassa-sobstvennoe-imya-prozvische> (mode of access: 28.08.2020).
- Ivanov, S. A. (2005). *Blazhennye pokhaby: Kul'turnaya istoriya yurodstva* [Blessed God's Fools: a Cultural History of Foolishness]. Moscow, Yazyki slavianskikh kul'tur. 448 p.
- Loseeva, I. V. (2014). Prozvishche kak vid lichnostnogo identifikatora (na materiale imenovaniy russkikh gorno-zavodskikh sel Yuzhnogo Urala) [Nickname as a Type of Personal Identifier (Based on the Material of Naming Russian Mining Villages of the Southern Urals)]. In *Elektronnyi nauchnyi zhurnal APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prozvische-kak-vid-lichnostnogo-identifikatora-na-materiale-naimenovaniy-russkikh-gorno-zavodskikh-sel-yuzhnogo-urala> (mode of access: 18.04.2019).
- Maiorenko, M. *Kto takoi marginal? Kharakternye priznaki i osobennosti* [Who is a Marginal? Characteristics and Features]. URL: <http://fb.ru/article/117122/kto-takoy-marginal-harakternye-priznaki-i-osobennosti> (mode of access: 23.02.2019).
- Mamin-Sibiriyak, D. N. (1958). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works, in 10 vols.]. Moscow, Pravda.
- Mamin-Sibiriyak, D. N. (1982). *Tri kontsa: roman* [Three Edges: Novel]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe izdatel'stvo. 416 p.
- Mamin-Sibiriyak, D. N. (1985). *Rasskazy raznykh let* [Short Stories of Various Years]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe izdatel'stvo, pp. 386–396.
- Medvedeva, K. M. (2013). Semantika emotsional'no-ekspressivnykh suffiksov kvalitativnykh form russkikh antroponimov [Semantics of Emotional and Expressive Suffixes of Qualitative Forms of Russian Anthroponyms]. In *Molodoi uchenyi*. No. 7, pp. 487–490.
- Mitrofanova, L. (2007). D. N. Mamin-Sibiriyak v kontekste literaturnoi, obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Urala 1880-kh gg. [D. N. Mamin-Sibiriyak in the Context of the Literary, Social and Cultural Life of the Urals in the 1880s]. In *Ural*. No. 11, pp. 179–190.
- Morok [Morok]. In *Tolkovyi slovar' T. F. Efremovoi*. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/187680/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA> (mode of access: 24.02.2019).
- Pamyat' svyatogo apostola Akily [Memory of the Holy Apostle Aquila]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonitsa». Vol. 11, pp. 350–353.
- Pamyat' svyatogo muchenika Savvy Stratilata i s nim semidesyati voinov [Memory of the Holy Martyr Sabbas Stratelates and Seventy Warriors with Him]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonitsa». Vol. 8, pp. 396–398.
- Pamyat' svyatogo ravnoapostol'nogo Averkiiya, episkopa Ierapol'skogo [Memory of the Holy Equal of the Apostles Abercius, Bishop of Hierapolis]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonitsa». Vol. 2, pp. 396–398.

Pamyat'svyatykh muchenikov Valeriana, Kandida, Evgeniya i Akily [Memory of the Holy Martyrs Valerian, Candidus, Eugene and Aquila]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonitsa». Vol. 5, pp. 734–737.

Pavel Apostol [Paul the Apostle]. (1912). In Popovitsky, E. A. (Ed.). *Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar'*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo P. P. Soikina, col. 1725–1726.

Petrovsky, N. A. (1966). *Slovar'russkikh lichnykh imen* [A Dictionary of Russian Personal Names]. Moscow, Izdatel'stvo «Sovetskaya entsiklopediya». 384 p.

Proiskhozhdenie i znachenie imeni Savva [Origin and Meaning of the Name Sabbas]. URL: <http://www.imenator.ru/mujskie/imena/savva> (mode of access: 21.02.2019).

Razboinik [Outlaw]. In *Tolkovyj slovar'* T. F. Efremovoi. URL: <http://tolkslovar.ru/r544.html> (mode of access: 24.02.2019).

Sazonova, L. I. (Ed.). (2015). *Imya v literaturnom proizvedenii: Khudozhestvennaya semantika* [The Name in a Work of Fiction: Artistic Semantics]. Moscow, IMLI RAN. 504 p.

Sergeev, E. Marginal'nost' [Marginality]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1797.html> (mode of access: 04.02.2019).

Shipitsina, Ya. A. (2018). Initsiativa antroponomii v romanakh D. N. Mamina-Sibiryaka: tipy i funktsii [Initiative of Anthroponymics in the Novels of D. N. Mamin-Sibiryak: Types and Functions]. In *INITIUM. Khudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya: materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg, URFU, pp. 67–75.

Simvol. Kon' [Symbols. A Horse]. URL: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse/> (mode of access: 24.02.2019).

Soboleva, L. S. (2015). Prirodnye stikhii v romane D. N. Mamina-Sibiryaka «Khleb» [Elements of Nature in D. N. Mamin-Sibiryak's Novel "Bread"]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 52–70. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.2.095>.

Stradanie svyatogo muchenika Nikifora [The Suffering of the Holy Martyr Nicephorus]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonitsa». Vol. 6, pp. 180–185.

Stradanie svyatogo velikomuchenika Feodora Stratilata [The Suffering of the Holy Great Martyr Theodore Stratelates]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonitsa». Vol. 6, pp. 160–173.

Superanskaya, A. V. (2005). *Sovremenniy slovar'lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [A Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling]. Moscow, Airis-press. 384 p.

Superanskaya, A. V., Suslova, A. V. (1991). *O russkikh imenakh* [About Russian Names]. 2nd ed. Leningrad, Lenizdat. 220 p.

Tupikov, N. M. (1903). *Slovar'drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Old Russian Personal Proper Names]. Saint Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, pp. 426–427.

Val'ter, Kh., Mokienko, V. M. (2007). *Bol'shoi slovar'russkikh prozvizhch* [A Great Dictionary of Russian Nicknames]. Moscow, OLMA Media Grupp, p. 92.

Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)]. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk. 720 p.

Vorob'eva, E. S. (2014). Marginal v russkoi literature kontsa XX – nachala XXI vv. [A Marginal in the Russian Literature of the Late XXth – Early XXIst Centuries]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 5, pp. 91–98.

Znachenie imeni Savelii [The Meaning of the Name Savelyi]. URL: <http://www.kakzovut.ru/names/saveliy.html> (mode of access: 21.02.2019).

Zyryanov, O. V. (2013). O prirode «odukhotvorennoogo realizma» pisatelya [On the Nature of the Writer's "Spiritualized Realism"]. In Zyryanov, O. V. (Ed.). *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiriaka: itogi i perspektivy izucheniya*. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 31–43.

Данные об авторе

Шипицина Яна Анатольевна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры фольклора и древней литературы департамента «Филологический факультет» Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); преподаватель, Языковой центр «Британия» (Курган, Россия).

Адрес: 640000, Россия, г. Курган, ул. Ленина, 17/II.
E-mail: shipitsina-yana@yandex.ru.

Author's information

Shipitsina Yana Anatolyevna – Candidate of Philology Degree Applicant of Department of Folklore and Ancient Literature, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); Teacher, Language Center "Britania" (Kurgan, Russia).